

Agata Dolacińska
Instytut Wschodni
UAM w Poznaniu

МОТИВ ДУШИ В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ АННЫ АХМАТОВОЙ

Любовные стихотворения занимают обычно особенное, многозначительное место в творчестве поэтов. Они всегда пользовались большим интересом и привлекали всеобщее внимание. На протяжении столетий менялись каноны красоты, менялся также образ мыслей художников, почти всегда находящихся под влиянием основных тенденций данной эпохи. Любовные произведения имели разную художественную ценность. Одни из них, авторами которых являлись преимущественно мужчины, отличались большой смелостью и часто шокировали читателей. В центре внимания многих поэтов находились однако тонкости переживаний человеческой души, интимности и чувствительности. Именно такую атмосферу имеют глубоко лирические, чрезвычайно женственные любовные миниатюры Анны Ахматовой.

Поэтическое имя „Сафо двадцатого столетия” это в понятии читателей синоним любовной лирики. Действительно, такой сюжет в разнообразных, преимущественно драматических оттенках, является наиболее развитой темой стихотворений Анны Андреевны. Предчувствие и рождение любви, боевое крещение любви, память о любви, спасительная и благодарная сила поэзии в моментах любовных разочарований – те и многие другие любовные сюжеты не являются, конечно, открытием Анны Ахматовой. Обращая внимание на этот факт, Александр Твардовский пишет: „Кажется, что характеристическая черта её творчества это только то, что лирическим героем миниатюрных поэтических новелл Анны Андреевны является не »он«, как это было в преобладающей мере в популярнейших образцах классической лирики, но »она«, влюблённая женщина, страдающая из-за не отвечающей взаимностью любви, с её особенной »памятью сердца«. Но она ни в коем случае не является так называемой »женственной поэзией« с её ограниченностью мыслей и чувств”.¹ Действительно, любовная поэзия Ахматовой отличается прежде всего искренностью лирического признания, непридуманными чувствами и непозаимствованными мыслями, это необыкновенно сжатая поэзия с большими моральными требованиями, несмотря на её земную

¹ А. Твардовский: *Памяти Анны Ахматовой*. Литература Radziecka (1966)6: 186–187.

и телесную конкретность. Стихотворениям Анны Андреевны чужда манерность, игра в любовь, детальные переживания неудовлетворённой страсти, бессмысленная, женственная ревность, эгоизм. Здесь нет тривиальности – самого большого врага любовной лирики.

Поэт Михаил Кузьмин приветствовал первый том произведений поэтессы – *Вечер* – таким образом: „Итак, дамы и господа, среди нас появился новый, молодой (...) поэт. А его имя – Анна Ахматова”². Как правильно заметил Борис Эйхенбаум, в первом периоде (1912–1923) творчество Анны Андреевны формируется на фоне кризиса символизма и развития футуризма. От символизма эротическую лирику поэтессы отделяет конкретность, предметность, точность, а также лаконизм, сжатость, отсутствие метафор, обычный стиль и прежде всего образ героини в центре каждого произведения. От футуризма стихотворения Анны Андреевны отделяет зато тематическая камерность, утишение, шёпот (как говорит сама Ахматова: „Слабый мой голос” и „Голос мой неблагодарный”³), а также главные темы её произведений – любовь, интимная жизнь, психология.

По словам Бориса Эйхенбаума: „резких переломов в творчестве Ахматовой нет”, так как „она очень устойчива в своём художественном методе”.⁴ Действительно, два первых сборника поэтессы: *Вечер* (1912) и *Чётки* (1914) тесно связаны между собой. Они представляют читателю интимные переживания женской души. Многие критики отнесли к ранним стихотворениям поэтессы как к интимному дневнику, как к признанию, исповеди. По-нашему, такой подход к *Вечеру* и *Чёткам* имеет своё обоснование. Ахматова показывает конкретные человеческие чувства, конкретную жизнь души, которая очень сильно всё переживает – томится, радуется, печалится, негодует, ужасается, молится, просит. Стихи связываются в нашем воображении воедино, порождают образ живого человека, отмечающего записью каждое своё новое чувство, каждое новое событие своей жизни. Это как будто сплошная автобиография, сплошной дневник, это представление интимнейших переживаний самым истинным и откровенным образом. Здесь нет никаких особых тем, никаких особых отделов и циклов⁵:

Высоко в небе облачко серело,
 Как белчья расстеленная шкурка.
 Он мне сказал: „Не жаль, что ваше тело
 Растает в марте, хрупкая Снегурка! (...)”⁶
Весна 1911, Царское Село

Стихотворение это подтверждает наши замечания на тему конкретного чувства, которое поэтесса представляет читателю очень трогательным образом. Несмотря на то, что показанная любовь была „воздушной” и „минутной”, стоит о ней рассказать, стоит выразить самые личные переживания. Выразительно то, что брошенная, одинокая героиня произведения не сердится, не думает о мести, не

² В. Eichenbaum: *O Annie Achmatowej*. Odra (1978)7: 46.

³ Ibidem, с. 47.

⁴ Б. Эйхенбаум: *O поэзии*. Ленинград 1969, с. 86.

⁵ Ibidem, с. 87.

⁶ J. Szymak-Reiferowa: *Anna Achmatowa. Poezje*. Kraków 1986, s. 14.

думает о гневе. Она, очень нежная, даже “хрупкая”, желает любой ценой вернуться к моментам встреч с любимым.

Характерно, что уже в первых сборниках для выражения интимнейших переживаний появилась скупая, но интенсивная речь. Она сжалась, сократилась, заполнилась и стала более насыщенной. Как считает Борис Эйхенбаум: „Вместо безудержного потока слов, значение которых затемнялось и усложнялось многообразными, магическими ассоциациями, мы видим осторожную, обдуманную мозаику”⁷. Надо подчеркнуть, что слова, которые не сливаются, а только соприкасаются, обнаруживают перед читателем новые оттенки своих значений. Мы чувствуем смысловые очертания слов, получающие особую смысловую вескость и энергию выражения. Всё это мотивируется напряжённостью эмоции:

Было душно от жгучего света,
А взгляды его – как лучи.
Я только вздрогнула: этот
Может меня приручить. (с. 28)

Стихотворение подтверждает теорию о сжатости ранних произведений Ахматовой. Здесь история начала самого большого чувства представлена в нескольких, но несомненно очень интенсивных по значению словах. Они выражают всё, о чём думает и что переживает влюблённая женщина: „Я только вздрогнула”, „От лица отхлынула кровь”.

Представление интимных чувств в *Вечере* и *Чётках* принадлежит к числу наиболее примечательных способов выражения любви. Это главным образом связано с отсутствием специально поэтических слов и словосочетаний. Эротика показана здесь с помощью самого простого, обыденного словаря, с помощью слов, которые не требуют от читателя особенной подготовки, с помощью слов, которые доступны каждому, которые всем понятны. Нельзя не согласиться с мнением Б. Эйхенбаума, замечаящего: „Почти избегая словообразования – в наше время так часто неудачного – Ахматова умеет говорить так, что давно знакомые слова звучат ново и остро”⁸.

Силу интимных переживаний подчёркивает в *Чётках* контрастное сочетание прозаичных выражений с торжественными патетическими оборотами речи:

Он говорил о лете и о том,
Что быть поэтом женщине – нелепость.
Как я запомнила высокий царский дом
И Петропавловскую крепость! (с.40)

Мы считаем, что такой подход к теме любви сосредоточивает внимание читателя на самых важных для поэтессы интимных чувствах.

Существенным является и то, что некоторые обыкновенные слова и обороты, определяющие любовные переживания, войдя в стих Ахматовой, стали как бы её собственностью и кажутся новыми, выдуманными ею словами, например: бездельница, бездельник, учтивость.⁹ Надо подчеркнуть, что слова эти образуют

⁷ Б. Эйхенбаум: *О поэзии*, с. 87.

⁸ Ibidem, с. 130.

⁹ Ibidem, с. 132.

особенную смысловую атмосферу, которая в основном служит выявлению интимности в стихотворениях Анны Андреевны. Поэтесса стремится выразить свои чувства самым понятным образом, обратиться к читателю наиболее доходчиво. Поэтому Ахматова избегает метафор, которые уводят нас от слова к представлению.¹⁰

Принимая во внимание точку зрения Б. Эйхенбаума, нельзя не заметить, что особенная эротическая атмосфера стихотворений Анны Андреевны, исключительная атмосфера интимности, достигается у поэтессы парадоксальным противоречивым сочетанием слов: „Подари меня горькою славой”, „Прости меня, мальчик весёлый/ Совенок замученный мой”, „Помолись о нищей, о потерянной,/ О моей живой душе”, „И тебе печально благодарная”, „Умирая, томлюсь о бессмертии”¹¹. Такой способ представления интимных переживаний, особенно в первом сборнике *Вечер*, повлиял на увеличение эмоциональных оттенков одного слова („душный ветер”, „душная тоска”, „душная земля”) и значительности некоторых обыкновенных слов:

За то, что дерзкий и смуглый
Мутно бледнел от любви. (...)
Смуглый отрок бродил по аллеям.¹²

Существенным для восприятия любовных стихотворений кажется также факт, что в *Вечере* и *Чётках* крайне обострена резкость смысловых переходов, а между фразами образуются смысловые разрывы. Нередко строфа распадается на две части, между которыми нет смысловой связи¹³, например:

На кустах зацветает крыжовник,
И везут кирпичи за оградой.
Кто ты: брат мой или любовник,
Я не помню, и помнить не надо.
Как светло здесь и как бесприютно,
Отдыхает усталое тело...
А прохожие думают смутно:
Верно, только вчера овдовела.(с.20)

Мы считаем, что все эти стилистические приёмы позволили передать любовные мысли и чувства более полным образом. Они дали читателю возможность посмотреть на проблему интимности по-новому и показали, что существуют также другие виды эротики: эротика изошрённая, эротика утонченная, эротика по-женски нежная.

Невозможно не заметить также черты, которая особенно сильно повлияла на поэтику *Вечера* и *Чёток*, а именно соединения лирических частиц в целое. Мы встречаем у Ахматовой не саму лирическую эмоцию, а повествование(особенно развитое в *Чётках*) или запись о том, что произошло.¹⁴ Не подлежит сомнению,

¹⁰ Ibidem, с. 134.

¹¹ Ibidem, с. 134–135.

¹² Ibidem, с. 135.

¹³ Ibidem, с. 140.

¹⁴ Ibidem, с. 146.

что благодаря такому подходу поэтессе удаётся вызвать интерес читателя, заставить его думать и переживать всё так глубоко, как лирическое „я” первых поэтических сборников Ахматовой.

Здесь надо добавить, что нельзя не согласиться с мнением Бориса Эйхенбаума, который упоминает о поэзии Ахматовой как об интимном дневнике.¹⁵ Это определение полностью отвечает содержанию и форме ранних произведений поэтессы. В центре каждого из них образ самой героини, влюблённой женщины, который дан резкими чертами, рассчитанными на особое зрительное восприятие. Мы знаем её наружность, одежду, жесты, движения, походку. Мы постепенно узнаём также её прошлое, места, где она жила и живёт, её дом, её комнаты. Почему поэтесса пытается сказать так много о своей героине? Почему она старается познакомить читателя со средой окружающей героиню? Почему в стихотворениях так много деталей? Все ответы имеют убедительное обоснование, так как описанием жеста или движения передаются чувства влюблённой женщины. Здесь следует вспомнить, что героиня почти никогда не говорит о том, что переживает, прямо, непосредственно.¹⁶ Это именно вещи, которые её окружают, многозначительные детали, описывают эмоциональные, психические состояния. Существенную роль играет также природа: птицы, цветы, деревья, всегда скрывающие в себе добавочный, эмоционально-интимный смысл, например:

Как вплелась в мои тёмные косы
Серебристая, нежная прядь-
Только ты, соловей безголосый,
Эту муку сумеешь понять. (с.58)

1912

„Соловей безголосый” занимает, по-нашему, важное место в представлении чувств и переживаний героини стихотворения. Он становится как будто другом, способным понять самое интимное, становится соучастником страдания.

Мы уверены в том, что название ранних произведений Ахматовой интимным дневником имеет своё обоснование прежде всего в образе героини, в образе, в котором ощущаются автобиографические черты, в образе, по которому читатель может узнать подробности личной жизни поэтессы:

В последний раз мы встретились тогда
На набережной, где всегда встречались
Была в Неве высокая вода,
И наводнения в городе боялись. (с.40)

Январь 1914

В том, что главным лицом стихотворения является сама поэтесса, убеждает нас несомненно фрагмент, касающийся женщины-поэта, а также мест, где побывала Ахматова. Конечно, наиболее существенным является здесь лейтмотив произведения – последняя встреча с любимым. Нам известно, когда и где произошла последняя встреча, мы узнаём тему последней беседы. Горестные,

¹⁵ Ibidem, с. 144.

¹⁶ J. Szymak-Reiferowa: *Anna Achmatowa*, s. 58.

самые интимные переживания героини кажутся знакомыми, напоминая иногда наши собственные чувства. В таком суждении убеждают нас детали, занимающие существенное место в стихотворении.

Мы считаем значительным, что Анну Андреевну называли „Сафо нового времени” именно тогда, когда вышли в свет *Вечер* и *Чётки*, лирика любви, лирика сердца.¹⁷ Тема, казалось бы, до конца разыгранная, позволила поэтессе представить совсем другую, оригинальную точку зрения, позволила посмотреть на проблему интимности, проблему эротике по-новому.

Новаторство любовной лирики Ахматовой бросилось в глаза современникам уже с первых её стихов. Однако литературоведческая практика акмеизма заставляла соотносить произведения поэтессы с акмеизмом, символизмом, лингвистическими или структуроведческими теориями. Вот как говорил об этом Леонид Гроссман, выступая на вечере Анны Андреевны в Москве в 1924 году: „Сделалось почему-то модным проверять новые теории языковедения и новейшие направления стихологии на *Чётках* (...). Вопросы всевозможных, сложных и трудных дисциплин – семантики, семасиологии, речевой артикуляции, стихового интонирования – начали разрешаться специалистами на хрупком и тонком материале этих замечательных образцов любовной элегии. К поэтессе можно было применить горестный стих Блока: её лирика стала »достоянием доцента«. Это, конечно, почётно и для всякого поэта совершенно неизбежно, но это менее всего захватывает то неповторяемое выражение поэтического лица, которое дорого бесчисленным читательским поколениям”.¹⁸ Учёных-лингвистов в тогдaшнее время действительно мало интересовала конкретная, живая и глубоко драматическая судьба исповедующегося в стихах любящего и страдающего человека. Такое чрезмерно далёкое отвлечение от живой личности художника и от эпохи, говорящей его голосом, производит на читателя, интересующегося главным образом смыслом душевных исканий, заключённых в стихе, незстетичное впечатление. Именно об этом думал Александр Блок, когда писал:

Печальная доля – так сложно,
так трудно и празднично жить,
И стать достоянием доцента,
И критиков новых плодить...¹⁹

Однако некоторые критики, занимающиеся анализом *Вечера* и *Чёток* с формалистической точки зрения, не боялись одновременно оставаться очарованными и влюблёнными читателями, произносящими слова, не предусмотренные наукой. Нельзя, как кажется, не обратить особенного внимания или хотя бы не заметить в ранней поэзии Ахматовой, за стихотворной строкой, человека, страдающего из-за глубокой несчастной любви. Мы придерживаемся мнения, что героиня, так, именно героиня ранних произведений поэтессы всегда страдает, всегда переживает глубоко и интенсивно каждое слово, каждый жест любимого. Она никогда не радуется, никогда не кажется счастливой.

¹⁷ А. И. Павловский: *Анна Ахматова*. Ленинград 1966, с. 23.

¹⁸ Л. Гроссман: *Анна Ахматова*. Москва 1929, с. 228–229.

¹⁹ А. Блок: *Собрание сочинений*. Ленинград 1932, с. 94.

Мы разделяем точку зрения Бориса Эйхенбаума о „романности” ахматовской лирики. В одной из своих рецензий он писал: „Поэзия Ахматовой – сложный лирический роман. Мы можем проследить разработку образующих его повествовательных линий, можем говорить о его композиции, вплоть до соотношения отдельных персонажей. При переходе одного сборника к другому мы испытывали характерное чувство интереса к сюжету – к тому, как разовьётся этот роман”.²⁰ Действительно, каждая книга стихов Анны Андреевны представляет собою как бы лирический роман, особое целое. Эта тенденция наиболее чётко прослеживается в ранних произведениях поэтессы. Благодаря ей читатель вводится в совсем другой мир, интимный мир чувств, духовный мир глубоких переживаний и настроений:

Какую власть имеет человек,
Который даже нежности не просит!
Я не могу поднять усталых век,
Когда моё он имя произносит. (с.56)

Лето 1912

Перед нами стихотворение, имеющее особенную внутреннюю силу. Стихотворение, представляющее свою, отличающуюся от других, любовную историю, историю исключительную, историю, которая никогда не повторится.

Названная „хрупкой” и „камерной” ахматовская поэзия любви, оказывается необыкновенно интересной и близкой не только женщинам, но всем читателям. Извечная тема, тема использованная многими писателями и поэтами, представляет собой у Анны Андреевны совсем другой, новый раздел в истории любовной лирики. Это действительно тема неиссякаемая и меняющаяся в зависимости от интенсивности и глубины переживаний поэта:

Как велит просияя учтивость,
Подошёл ко мне, улыбнулся,
Полуласково, полулениво
Поцелуем руки коснулся. (с.30)

В произведениях Ахматовой читатель находит новый духовный мир, исключительный микромир интимных чувств и переживаний, о котором он мечтал, который он себе представлял, а который нашёл своё изображение в поэзии Анны Андреевны:

Так беспомощно грудь холодела,
Но шаги мои были легки.
Я на правую руку надела
Перчатку с левой руки. (с. 18)

10 февраля 1911, Царское Село

Произведение *Песня последней встречи* кажется нам одним из наиболее характерных примеров раннего творчества поэтессы. Здесь выступают почти все черты, позволяющие судить о мастерстве начинающей поэтессы. Важнейшей

²⁰ Б. Эйхенбаум: *Роман – лирика*. Вестник литературы (1921)6–7: 8.

является так известная всем любителям поэзии Ахматовой „перчатка”, которую героиня перекладывает с левой руки на правую. Эта, казалось бы, маловажная подробность довлеет над читателем, влияет на специфический климат произведения и подчёркивает его эротический, чувственный характер. У нас с самого начала создаётся впечатление огромной, непонятной до конца близости и сходства с происходящими в стихотворении действиями, с чувствами, тревогами и страданиями героини, с её заботами, с её проблемами. Мир интимных переживаний несомненно сложен, но одновременно понятен всем, кто хотя бы один раз чувствовал так же как и она, кто любил действительно, кто любил отчаянно. Ахматова подчёркивает, что влюблённому ничего не страшно, для влюблённого нет ничего невозможного. Любовь способна изменить человека. Ведь именно для неё люди страдают, ведь именно для неё, в её имя люди убивают. Именно для неё люди готовы на любые жертвы, готовы посвящать себя, готовы страдать: „Попросил: »Со мною умри!« (...) /Я ответила: (...) »- Умру с тобой...« (с. 18) Как видно, даже самое ценное – жизнь – не представляет собой слишком высокой цены, если имеем дело с величайшим, важнейшим, сильнейшим человеческим чувством. Подобно многим ахматовским стихотворениям, также и это произведение тяготеет к психологической драме. Перед нами лирическая миниатюра в самом полном, безусловном смысле слова, разговор с самим собой, внутренний монолог. Диалог – как мы легко догадываемся – фиктивный, а слова непроизнесённые. Героине их только хотелось бы услышать, ответить на них. Здесь выпукло проступает драматургическая природа поэтического текста. Всё вечно: тёмный дом, в спальне горят свечи, в сад ведут три ступени. Безукоризненно-точно обрисовано внешнее действие: „но шаги мои были легки”; „я взглянула на тёмный дом”. Во всём проглядывает терзающая душевная боль, сумятица. „Но шаги мои были легки”. „Но” – мучительная попытка сдержаться. Так же как и мёртвая машинальность привычного жеста: „Я на правую руку надела перчатку с левой руки”.

Атмосфера ранних произведений Анны Андреевны „пропитана” эротикой, но эротикой необыкновенной, чрезвычайно нежной, исключительной, незабываемой – эротикой, которая не оставляет впечатлительного читателя равнодушным, которая аставляет думать и переживать так глубоко и интенсивно, как сама героиня. Именно такой климат явственно проступает уже в одном из первых стихотворений:

Как соломинкой пьёшь мою душу.
Знаю, вкус её горек и хмелен.
Но я пытку мольбой не нарушу.
О, покой мой многонеделен. (с. 20)

18-19 марта 1911

Произведение „Как соломинкой пьёшь мою душу...” просто потрясает глубиной чувств, чувств полных грусти и отчаяния, чувств, переполненных горечью и болью. С другой стороны, однако, мы замечаем в стихотворении странное спокойствие, вызванное как будто бессилием и покорностью, смирением, несмотря на то, что страдание героини чрезмерное, что печаль вездесущая. Кажется, что женщина соглашается на всё, не заботится ни о чём, ничего не

жалее. В произведении есть метафоры, но не вознесенные над обыденностью, а неожиданно и остро приближенные к каждодневности: „как соломинкой, пьешь мою душу”, „вкус её горек и хмелен”. И обступает бесхитрое, текущее бытие. Везут кирпичи за оградой, недалеко играют дети. И не только героиня, несмотря на душевную боль, зорко видит всё кругом, но и совсем незнакомые люди всматриваются в её лицо, читают на нём следы горестей и сочувствуют ей.

Мы придерживаемся мнения, что ранняя любовная элегия Ахматовой, „сыгранная на засурдиненных скрипках”²¹, самая сокровенная, верно написанная страница личной жизни многих читателей, их переживаний и волнений, сохраняющих все признаки подлинного искусства: „Она вылила в искусство – писала Лариса Рейснер – все мои противоречия, которым столько лет не было исхода. Теперь они – мрамор, им дана жизнь вне меня, их гнёт и соблазн перешёл в пантеон. Как я ей благодарна! А в общем эти книги и радуют, и беспокоят, точно после долгой разлуки возвращаешься – на минуту и случайно – в когда-то милый, но опостылевший, брошенный дом”.²² Иначе говоря, стихи Анны Андреевны дают иллюзорную и временную возможность минутного возвращения в мир собственной юности и навсегда покинутой и исчезнувшей среды. Здесь стоит подчеркнуть, что истинное значение эротической поэзии Ахматовой заключается, по-нашему, в верном и глубоко поэтическом изображении душевных сдвигов и катастроф, пережитых влюблённой.

Трудно не согласиться с мнением одного из литературоведов, А. И. Павловского, что интимнейшие стихи поэтессы, лирические признания превращались под её пером в выразительные свидетельства эпохи.²³ Нам всё-таки кажется, что сущность ранних произведений Анны Андреевны заключается главным образом в необычно тонком, проникновенном и детально овеществлённом анализе собственного любовного чувства – в его переливах, переходах, противоречиях и неожиданностях. Не подлежит сомнению, что любовный роман, выразившийся в стихе, является в конечном счёте отражением реальной жизненной истории, преимущественно трагичной. В ранних произведениях Ахматова повествовала о горестях и блужданиях, бурях и пустынях своей любви. Здесь видно всё, что обычно находит значительное место в великой и нескончаемой „Книге Любви”: лаконичные признания, полные внутренней, глубоко таящейся экспрессии, молчаливые стихи, похожие на безмолвную исповедь одиноко страдающего сердца, грусть, тоска, жертвы, боль – отчаянное, безграничное чувство. С нашей точки зрения, все эти стихи, нередко пронизанные мотивами смерти, увядания, неправильной и несправедливой жизни, обретали конечный смысл лишь в сфере любовных потрясений. Мы глубоко уверены в том, что собственные интимные переживания женщины, являющейся главным „героем” произведений Анны Андреевны, представляют собой сущность раннего творчества поэтессы. Тот факт, что „даже касаясь всего лишь мелочей быта или набрасывая лёгкий абрис мимолётного чувства, пронизанного полнотой жизни, она и в этих стихах не

²¹ А. И. Павловский: *Анна Ахматова*, с. 30.

²² Л. Рейснер: *Избранное*. Москва 1965, с. 552.

²³ А. И. Павловский. *Анна Ахматова*, с. 37.

переставала быть трагичной”²⁴, следует связывать с углублением личностного, чувственного плена изображения. Такой подход к раннему творчеству Анны Андреевны кажется более закономерным. Мы считаем, что большинство любовных стихов „Сафо нашего времени” представляет собой истинную, беспредельную, чрезвычайно красивую и тонкую „поэзию души”:

Перо задело о верх экипажа.
Я поглядела в глаза его.
Томилось сердце, не зная даже
Причины горя своего. (с. 32)

Май 1913

Стихотворение *Прогулка* открывает как будто одну из страниц необычного „дневника чувств”. Переполненное печалью и горечью, насыщенное бессилием и смирением, оно является одним из многих примеров так называемой „любовной дуэли”. Ощутимое уже на первый взгляд мнимое спокойствие кажется предсказывать неизбежное страдание, муку, боль. Горе, которое трудно понять, горе старое, прежнее, но, одновременно, всё время присутствующее в сердце и душе, влияет на климат произведения, сосредоточивая наши раздумья на интимных переживаниях героини.

Нельзя не заметить существенной, по-нашему, черты ранних произведений Анны Андреевны, заключающейся в почти постоянном присутствии слова „душный”. Ещё Борис Эйхенбаум подчёркивал, что встречается оно у поэтессы необыкновенно часто, выступая в роли как будто неотъемлемого эпитета, неотрывного от самого мира, воспроизведённого в стихах. Оно является „определителем” мотива замкнутости, отъединённости и даже изолированности любовных переживаний поэтессы, влияя на их особый интимный характер:

Было душно от жгучего света,
А взгляды его – как лучи.
Я только вздрогнула: этот
Может меня приручить. (с. 28)

1913

Представленный нами выше фрагмент составляет первую часть стихотворения *Смятение*, открывающего поэтический сборник *Чётки*. Здесь слово „душный” имеет несколько другой смысл. Здесь, по-нашему, нет замкнутости, ещё нет страдания, появляется зато такой характерный для влюблённых мотив - мотив ожидания, а вместе с ним неуверенность, тревога и некое любопытство, любопытство вполне оправданное, связанное с будущим, которое называется жадой любви.

В раннем творчестве Анны Ахматовой прослеживается расширение темы любовных переживаний с одновременным углублением в сущность души. Это истинная лирика живого сердца, сердца, ждущего любви и жаждущего любви. Внутренняя тайная забота, усиливавшаяся от книги к книге, заметно перестраивала

²⁴ Ibidem, с. 40.

стихи Ахматовой: от лёгкого, пронизанного солнцем и предвкушением любви полуотроческого „Вечера” Анна Андреевна вошла в душевные, религиозно-экзальтированные и грешные стихи „Чётки”, стихи полные борения любовных страстей, раскаяния и соблазнов:

Углем наметил на левом боку
Место, куда стрелять,
Чтоб выпустить птицу – мою тоску –
В пустынную ночь опять. (с. 52)

31 января 1914, Петербург

Путь, пройденный поэтессой, начиная с первых стихов, собранных в книге *Вечер*, через *Чётки*, это путь постепенного, но достаточно интенсивного и последовательного отказа от замкнутости душевного мира. Глубина и богатство жаждущей души, серьёзность и высота моральных требований сочетаются с необычной женственностью, чувствительностью, хрупкой нежностью, представляют собой истинную ценность юношеской любовной поэзии Анны Ахматовой.